

ПИСЬМА К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

ПИСЬМА В. Д. ВОЛЬХОВСКОГО, Г. А. ГЛИНКИ, А. КРАЕВСКОГО, А. А. МОРДВИНОВА,
А. В. ПОДЖИО, И. И. ПУЩИНА, М. А. ФОНВИЗИНА, А. И. ШЛЯХТИНСКОГО

Публикация и комментарии М. Ю. Барановской,
Д. Б. Кацнельсон,¹ Е. Д. Петряева и М. А. Шнеерсон

Литературные и дружеские связи Кюхельбекера в додекабрьский период были широки и разнообразны. Деятельнейший литератор, выступавший в качестве поэта и прозаика, критика и журналиста, Кюхельбекер с июля 1817 по декабрь 1825 г. находился в самом центре литературно-общественной жизни и поддерживал тесные личные и деловые отношения со многими писателями того времени.

Не приходится сомневаться, что Кюхельбекер в эти годы вел обширную переписку. В круг его корреспондентов входили (кроме родных) и товарищи по Лицею (А. А. Дельвиг, Ф. Ф. Матюшкин, И. И. Пущин, А. Д. Илличевский, В. Д. Вольховский, С. Д. Ковровский и, конечно, Пушкин), и многие участники декабристского движения из круга Союза Благоденствия и Северного общества, и видные представители литературного мира (В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич, Ф. Н. Глинка и др.), и литературная молодежь, и ученики Благородного пансиона при Педагогическом институте, у которых Кюхельбекер, как известно, снискал большую любовь и высокое уважение.

Переписка Кюхельбекера, нужно думать, была наиболее оживленной в 1824—1825 гг., когда он развернул свою литературно-критическую деятельность и совместно с В. Ф. Одоевским приступил к изданию «Мнемозины», к участию в которой были привлечены довольно значительные литературные силы. На эти же годы приходится подъем общественной деятельности Кюхельбекера, сближение его с руководителями и активными участниками революционного подполья.

До нас из этой переписки дошла лишь самая малая часть. Между тем можно утверждать, что сам Кюхельбекер бережно хранил письма своих личных и литературных друзей. Может быть, и даже наверное, в ночь на 15 декабря 1825 г., перед бегством из Петербурга, он успел уничтожить кое-что из своих бумаг — именно то, что могло бы послужить обвинительным материалом во время следствия. Но большая часть личного архива Кюхельбекера в те бурные дни уцелела и впоследствии оказалась в руках его семьи.

В составе этого архива были и письма многих корреспондентов Кюхельбекера. В 1875 г. дочь Кюхельбекера, Ю. В. Косова, и племянница его, А. Г. Глинка, опубликовали в «Русской старине» небольшую пачку писем, очевидно выбрав такие, которые носили политически нейтральный характер. Это были письма Н. И. Гнедича, А. Ф. Воейкова, А. А. Дельвига, А. С. Грибоедова, Е. А. Энгельгардта, В. А. Жуковского, В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева, В. И. Туманского, Е. А. Баратынского и С. Н. Бегичева.

Публикация эта носила явно выборочный и притом все же довольно случайный характер. Но и она оказалась весьма ценной, свидетельствуя о богатстве архива Кюхельбекера. Публикация эта была вкладом не только в биографию Кюхельбекера, но и в историю литературы первой половины двадцатых годов.

Тем более приходится сожалеть, что большая часть переписки Кюхельбекера исчезла и, повидимому, безвозвратно. Среди не дошедших до нас писем, безусловно, были такие, которые явились бы историко-литературными документами первоклассного значения. Так, например, не подлежит сомнению, что Кюхельбекер более или менее систематически переписывался с Пушкиным и — особенно активно — с Грибоедовым. В их письмах, конечно, должны были отразиться общественно-политические и художественные интересы корреспондентов, мнения их по основным вопросам искусства и литературы. Между тем из этой переписки мы располагаем всего лишь одним письмом Пушкина и двумя письмами Грибоедова.

Еще более печальная судьба постигла письма корреспондентов Кюхельбекера, относящиеся ко времени после декабрьского восстания. В годы крепостного заключения Кюхельбекер был лишен права переписки с кем бы то ни было, кроме ближайших родственников. Но по выходе на поселение он оживленно переписывался со многими декабристами, находившимися в Сибири. Сохранилось и постепенно публикуется довольно значительное количество писем самого Кюхельбекера за это время. Но писем, адресованных Кюхельбекеру, от этих лет почти не дошло. Из общего числа опубликованных до настоящего тома «Литературного наследства» писем к Кюхельбекеру к периоду до декабрьского восстания относится 37 писем, к последекабрьским годам — лишь два полных письма и два отрывка (см. «Библиографию писем к Кюхельбекеру», стр. 499—500).

Ныне мы имеем возможность пополнить небольшой фонд опубликованных в печати писем к Кюхельбекеру. Редакцией «Литературного наследства» обнаружено 52 письма корреспондентов Кюхельбекера. Из них публикуются девять писем, представляющих интерес для изучения жизни и деятельности писателя-декабриста (перечень остальных писем — см. ниже на стр. 499). Вновь публикуемые письма существенно обогащают общественную и литературную биографию Кюхельбекера.

Письмо Г. А. Глинки вносит дополнительную деталь в картину лицейской жизни. Можно предположить, что книга, которую Глинка посылал Кюхельбекеру, была прочитана и Пушкиным, тем самым данное письмо оказывается небезразличным и для биографии великого поэта.

Письмо В. Д. Вольховского интересно как свидетельство того живого участия, которым окружили Кюхельбекера его друзья в то время, когда он очутился в положении опального, политически неблагонадежного человека.

Письмо А. И. Шляхтинского вводит в круг знакомых Кюхельбекера новое лицо и дополнительно удостоверяет широту и прочность связей Кюхельбекера с участниками ранних декабристских организаций.

Из остальных публикуемых писем, относящихся уже к сибирскому периоду жизни Кюхельбекера, наибольший (и можно сказать — выдающийся) интерес представляет письмо Александра Краевского, проливающее свет на тесную дружескую связь, возникшую между декабристом и сосланными в Сибирь активными деятелями демократического крыла польского национально-освободительного движения. Это письмо в сочетании с публикуемым в настоящем томе «Литературного наследства» отрывком из воспоминаний А. Рыпинского и недавно опубликованным письмом к Кюхельбекеру Ф. Э. Скриблевского («Декабристы и их время», 1951, стр. 40—41) позволяет поставить в исследовательском плане вопрос о «польских отношениях» Кюхельбекера и о его глубоком интересе к польской поэзии.

Р е д а к ц и я

* * *

В настоящей публикации участвовали :

М. Ю. Барановская — письма №№ 3—6, 8, 9 и комментарии к письму № 8;

Д. Б. Кацнельсон — комментарии к письму № 5;

Е. Д. Петряев — комментарии к письму № 4;

М. А. Шнеерсон — комментарии к письмам №№ 1—3, 6, 7, 9.

Выявление и публикация остальных писем принадлежат редакции «Литературного наследства».

1. Г. А. ГЛИНКА — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Петербург. 23 ноября 1812 г.

Любезный братец Вильгельм Карлович!

Последнее твое письмо я получил на прошлой неделе, только не чрез рекомендуемого тобою бывшего твоего гувернера Александра Николаевича Иконникова¹, которого знакомство очень бы для меня было приятно, но чрез тещу². Мне весьма приятно видеть из сего твоего письма родственнические твои ко мне чувства, также, что ты от часу более и более успеваешь в отечественном твоём русском языке. Для вящего усовершенствования в российском слоге я не замедлю прислать тебе «Elementarbuch der russ<ischen> Sprache», где помещены избраннейшие места из лучших наших писателей, которые, если будешь читать с большим вниманием,



ЦАРСКОЕ СЕЛО. ВИД В ЕКАТЕРИНИНСКОМ ПАРКЕ

Акварель М. М. Иванова, около 1800 г.

Эрмитаж, Ленинград

конечно, доставят тебе не малую пользу³. Вообще советую тебе взять себе за правило читать или, лучше, изучать только весьма немногие произведения больших умов или талантов, и читать и перечитывать их сколько можно чаще.

За сим пожелав тебе искренно всяких благ, пребываю навсегда

брат твой и друг Григорий Г л и н к а

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 264.

Григорий Андреевич Г л и н к а (1776—1818) — муж сестры Кюхельбекера, Устины (Юстинии) Карловны (см. о ней стр. 400 настоящего тома), писатель и переводчик, занимал кафедру русского языка и русской литературы в Дерптском университете (1803—1810). Наибольшее значение имеет работа Глинки о мировоззрении древних славян — «Древняя религия славян» (Митава, 1804). Хотя этот труд и не отличается научной достоверностью, но существен самый факт обращения автора к историческому прошлому славян, что характерно для роста общего интереса к проблеме народности в начале XIX в. Публикуемое письмо свидетельствует о внимании Глинки к духовному росту мальчика-Кюхельбекера, в частности — к успехам его в области изучения русского языка. В связи с этим вспоминаются слова Кюхельбекера в письме к племяннику Николаю Глинке от 9 июля 1835 г.: «...до шести лет я не знал ни слова по-немецки, природный мой язык — русский: первыми моими наставниками в



РИСУНОК КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Тетрадь стихотворений 1818—1825 гг.
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна» (Ю. Тынянов. Вступительная статья в кн. Кюхельбекер, стр. VII).

Глинка, несомненно, оказывал влияние на формирование взглядов Кюхельбекера. Так, в 1815 г. он прислал будущему поэту-декабристу произведения вольнодумного Вейса и Руссо. Через Глинку Кюхельбекер познакомился с его младшим братом — Владимиром Андреевичем Глинкой, членом Союза Благоденствия (см. о нем стр. 408 настоящего тома), а также с его двоюродным братом, членом Союза Благоденствия Ф. Н. Глинкой. Кюхельбекер неоднократно гостил в имении Г. А. Глинки Закупе (Смоленская губ., Духовщинский уезд). В стихотворении «Закупская часовая» Кюхельбекер называет Глинку «мой брат и друг, отец семьи мне драгоценной».

¹ Александр Николаевич Иконников — гувернер в Лицее (с 1811 г. до октября 1812 г.). Несмотря на чудачества, пользовался любовью воспитанников, поощрял их занятия литературой, сам писал стихи и принимал участие в школьных спектаклях. Связь с лицеистами Иконников поддерживал и после увольнения из Лицея (см. К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 253; И. Селезнев. Исторический очерк имп. бывш. Царскосельского ныне Александровского лицея. СПб., 1861, стр. 161).

² Мать Кюхельбекера (см. о ней стр. 399 настоящего тома).

³ «Elementarbuch der russischen Sprache zum Gebrauche der Kreisschulen in Liv-Est-Kur und Finnland». Mitau, 1805. — Эту книгу составил Г. А. Глинка, включив в нее, в качестве образцов, отрывки из «Писем русского путешественника» Карамзина, из «Путешествия в полуденную Россию» В. В. Измайлова, а также стихотворения Дмитриева, Карамзина, Державина, Львова.

2. В. Д. ВОЛЬХОВСКИЙ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Петербург. 7 марта 1823 г.

Несмотря на отвращение мое к всякому письму, столь приличное руке, привыкшей более владеть мечом, нежели пером, пишу к тебе, любезный Вильгельм, чтоб ты не подумал, что я тебя так же совершенно забыл, как ты меня; желаю, чтоб письмо мое нашло тебя здоровым и счастливым; ты скажешь, что это желание очень плоско, — нужды нет, только бы оно сбылось.

Вчера видел я твою матушку, какая добрая, прекрасная женщина, как она тебя любит! Мы говорили о тебе — если бы я не был в совершенно одинаковых с тобою отношениях насчет состояния моего¹, то, боясь оскорбить твое самолюбие, не осмелился бы открыть тебе одной ее заботы, крепко ее удручающей, которую я не мог ей назвать неосновательною и от которой, кажется, тебе нетрудно ее освободить.

Вот в чем дело: матушка твоя заботится о содержании твоём тогда, когда ее не будет. Я не смел сказать ей, что человек с твоею головою и в твоих летах своими трудами всегда может себя обезопасить на этот счет, не смел этого сказать, потому что она, как женщина, жившая долго в кругу людей, привыкших презирать трудом, может считать это для тебя унижительным, но ты муж и выше обыкновенных предрассудков. Любимый мой герой Франклин ², сын типографщика, сам был простым работником, и потому будь уверен в искренности моей насчет мнения, что никакое занятие не унижает человека. Но для тебя дело идет не об занятии унижительном: твоё образование, твои способности могут тебе доставить место приятное и выгодное. Конечно, тебе нельзя вступить покуда в прежнюю твою службу; приищи частное себе место, а между тем многое может перемениться, и снова праздник будет на твоей улице; скажи, что постоянного под луной, а особливо в русском царстве? ³ Одно, любезный, ни в частной, ни в государственной службе не ищи и не найдешь — совершенства, в чем думаю собственным опытом ты довольно убедился.

Прощай, любезный Вильгельм, прости, что я вздумал с тобою умничать; я было хотел вовсе не писать к тебе о том, об чем ты верно более других думаешь; но рассудил, что если бы ты был здесь, то верно не рассердился

Нумерация на Бюро на министерство
Дружеств Академичен Класъ;
Всичко вече е в компетентна
личност специално назначен човек

Объявляю и свидетельствую
 Состоявшему на Третьей
 На Высочайшемъ суде бывшемъ
 Состоявшему директору губернск.

Братъ перечесть и переписатьъ планы
Деревъ, Кануль, и т. п.;
Имать и въ мѣстѣ ономъ
Можетъ и переписатьъ планы.

Вспомогательная дурманная
мысль на мысль жестоко,
Дума ссасывает за думой:
Вздрогав конь вскачь вырвался

Станис; достигнув во Француз
Симонянскую радость. Желая
нак. в романе повести. Вспомог.
Вспомогательные приемы
и Звонки —

Августовской Восточной
для души моей, младшей,
для счастья моему восточному
Представительный н. н. Вост.

Могуществом Хастуринским
Всё хвалялось Ваню!
Матюшкинские, погуды!
Троих все обречено. —

^{2nd}
 Abundant found, and reports from
 Thomsen's expedition also
 Anagallis, or Anagallis arvensis
 found copiously under meadow,
 & *Proserpinaca*

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «ПЕСНЬ ТЛЕНИЯ», 1818—1820 гг.

бы на мое в таком роде болтанье и потому решился писать. Прощай, будь столько счастлив, сколько желает тебе душевно преданный твой навсегда

В. Вольховский

Если вздумаешь писать ко мне, то надписывай в Гвардейский генеральный штаб в СПб.

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 263.

Владимир Дмитриевич В о л ь х о в с к и й (1798—1841) — близкий друг Кюхельбекера по Лицею, член «Священной артели», в состав которой входили и другие лицеисты — Кюхельбекер, Пушкин, Дельвиг. И. И. Пушкин вспоминал: «Еще в лицейском мундире я был частым гостем артели, которую тогда составляли Муравьевы (Александр и Михайло), Бурцов, Павел Калошин и Семенов <...> Постоянные наши беседы о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения, желаемого многими втайне, необыкновенно сблизили меня с этим мыслящим кружком <...> Бурцов, которому я больше высказывался, нашел, что по мнению и убеждениям моим, вынесенным из Лицея, я готов для дела. На этом основании он принял в Общество меня и Вольховского, который, поступив в Гвардейский генеральный штаб, сделался его товарищем по службе. Бурцов тотчас узнал его, понял и оценил» (Пуш и н, стр. 113). Вольховский пользовался любовью и уважением лицеистов, о чем свидетельствуют приведенные слова Пушкина и черновые строки стихотворения «19 октября» <1825 г.> Пушкина:

Спартанскою душой пленяя нас,
Воспитанный суровою Минервой,
Пуškai опять Вольховский сядет первым...

(Вольховский кончил Лицей первым и был награжден золотой медалью). Об этом же свидетельствует и запись Кюхельбекера в дневнике от 11 января 1835 г.: «...С Вольховским я был даже очень дружен: мы вместе выросли; в Лицее я почти одного его и слушал» («Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 330). Такое отношение определяется в первую очередь общностью политических взглядов. Вольховский был членом Союза Благоденствия и, как следует из показаний декабристов, состоял в сношениях с тайными обществами и после 1821 г. («Алфавит декабристов», стр. 51). По окончании Лицея Вольховский определился на службу прапорщиком в Гвардейский генеральный штаб, участвовал в походах в Хиву (1819) и в Бухару (1824), в 1826 г. был переведен на Кавказ. Впоследствии получил генеральский чин.

Переписка Вольховского с Кюхельбекером началась в 1822 г. (см. письмо Кюхельбекера от 10 марта 1822 г. из Тифлиса. — Д. Ф. К о б е к о. Императорский Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 485).

¹ Материальное положение семьи Кюхельбекера после смерти отца (в 1809 г.) было тяжелым, о чем свидетельствуют письма матери к Кюхельбекеру-лицейцу. Так, она отказывает сыну в возможности учиться на скрипке, не приезжает на свидания с ним в Царское село из-за отсутствия денег на извозчика и т. д.

² Вениамин Ф р а н к л и н (1706—1790) — североамериканский политический деятель. Играл большую роль в борьбе американских колоний за независимость, принимал участие в составлении Декларации независимости, выступал за освобождение негров. Все это определяет интерес декабристов к Франклину, которого Вольховский в публикуемом письме называет своим «любимым героем». Находясь в сибирской ссылке, И. И. Пушкин перевел записки Франклина (см. ниже, стр. 744).

³ По окончании Лицея, с 1817 по 1820 г., Кюхельбекер служил в Главном архиве иностранной коллегии и читал лекции по русской литературе в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте. 9 августа 1820 г. Кюхельбекер вынужден был подать в отставку и уехать из Петербурга за границу в качестве секретаря А. Я. Нарышкина (подробно об этом периоде жизни Кюхельбекера см. стр. 345—354 настоящего тома). Неудачной была и попытка Кюхельбекера служить в Грузии у генерала Ермолова. Вернувшись с Кавказа в 1822 г., Кюхельбекер, не имея службы, жил в Закуле у сестры Ю. К. Глинки. К этому периоду и относится публикуемое письмо; через несколько месяцев после его получения, 30 июля 1823 г., Кюхельбекер, в поисках заработка, переехал в Москву. Мучительные заботы опального поэта о средствах к существованию нашли отражение в его письме к другому лицейскому товарищу — С. Д. Комовскому (17 февраля 1823 г.). Отвечая на письмо Комовского, советовавшего ему служить в Москве при князе Голицыне, Кюхельбекер восклицает: «No comment faire? * <...>, без связей, без всяких знакомств, в Москве, без денег! Егор Антонович <Энгельгардт> писал ко мне и предложил мн е другое место, которое, конечно, также трудно получить <...> авось судьба перестанет меня преследовать!» (Я. К. Г р о т. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 286).

* что делать (франц.).

В. Д. ВОЛЬХОВСКИЙ

Портрет маслом неизвестного художника. 1830-е гг.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград



З. А. И. ШЛЯХТИНСКИЙ — ИЮНЬ 1830-х гг.

С. Преображенский

Люби,
Не д...
Е...
Как дым, ...

И мы, рассеянные в пределах беспредельного царства, не знаем даже где кто из нас!... и я с тех самых пор, как ший Вильгельм Карлович, писали ко мне, что рождения Бонапарта, в жилище карбонариев и папы, я с чего не знаю, где Вы находитесь — и, признаюсь, очень, очень был, усмотря из разных периодических изданий, что Вы основ свое в Москве³ (где многое, давно минувшее — одной Мнемозине, чрез Вашу «Мнемозину» известно станет свету!). А как забывенно время, с Вами проведенное, — время мечтаний, счастья, радости, то, узнав о Вас, единственно добрый Вильгельм Карлович, писать и, зная Вас и Ваши правила, твердо уверен в непремени расположения Вашего к человеку истинно Вас любившему и любящему, прошу утешить меня, сообщая о себе и всем случившемся с Вами со в разлуки нашей.

Барон Дельвиг так ленив, что изредка, и то в чужих письмах, приписки, совершенно не удовлетворяющие как моих вопросов, желания знать о людях мною любимых — в незабвенное — лучшее в жизни моей бывших товарищами мечтаний и желаний!! — Но Вы, ший Вильгельм Карлович, надеюсь — будете утешителем в моем (пос многих мною претерпленных бурь жизни) безмятежном, уединенном месте, где только одни дочери Мнемозины нарушают иногда покой мой.

С нетерпением, по отпуске сего, стану ожидать письма Вашего, буду считать дни, когда оное может принести первая отходящая из Москвы почта! Уверен, Вы утешите меня скоро письмом, из которого увижу, что тот же для меня Вильгельм (а не Нелюдвиг), коего я за правила, характер и единственно доброе сердце привык любить и никогда не престану, а равно и не забуду часов, с Вами проведенных! А я по непредвиденному случаю и обстоятельствам нахожусь теперь Смоленской губернии в городе *Рославле*, куда и адресуйте ко мне Ваше приятнейшее и с нетерпением мною ожидаемое письмо, которое для меня будет драгоценным подарком наступающего христианского праздника <!>, с коим поздравляю Вас, от души желаю Вам всего, что только может послужить к счастью и благополучию Вашему. С сим желанием и изъявлением моего истинного почтения, с коим был и навсегда остаюсь

Ваш покорный слуга

Андрей Шляхтинский

Марта 22 дня 1824 года
г. *Рославль, село Преображенское.*

Вполне надеюсь на расположение Ваше. Уверен, что сим письмом возобновится или, лучше, установится переписка между нами, и я, житель уединенного села, может <!> смело относиться с необременительными препоручениями к Вам, почтенный обитатель столицы!..

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 76—77.

Андрей Иванович Шляхтинский, служивший штабс-капитаном в лейб-гвардии Егерском полку, был, по показаниям Е. П. Оболенского, членом Союза Благоденствия, но впоследствии отошел от декабристского движения и не участвовал в тайных обществах, возникших с 1821 г. Быть может, это объясняется тем, что в 1819 г. он был переведен в Орловский пехотный полк, а затем, как следует из содержания публикуемого письма, попал в уединенное село Смоленской губ. Несмотря на показания Оболенского (ВД, I, 252), дело Шляхтинского «высочайше повелено оставить без внимания» (ВД, VIII, стр. 209).

Настоящее письмо позволяет расширить круг политических единомышленников Кюхельбекера из числа декабристов, связанных с ним узами тесной дружбы.

¹ Неточная цитата из послания Пушкина «К Чаадаеву» (1818), нелегально распространявшегося в многочисленных списках и использовавшегося декабристами в целях революционной агитации.

² Речь идет о заграничном путешествии Кюхельбекера и, в частности, о его поездке в Ниццу, входившую в состав Сардинского королевства. Здесь Кюхельбекер пробыл до конца марта 1821 г. Как раз в это время, в марте 1821 г., в Пьемонте произошло восстание. Об этом событии имеется следующая запись в «Путешествии» Кюхельбекера: «Слухи, распространившиеся в последние дни моей бытности в Ницце об движении пьемонтских карбонариев, бунт Алессандрии и ропот армии, предчувствие войны и разрушения...» (К ю х е л ь б е к е р, т. I, стр. 455). Предчувствуя поражение карбонариев, Кюхельбекер писал в стихотворении «Ницца»:

Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор...
...Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет!..

За границу Кюхельбекер выехал 8 сентября 1820 г. Около двух месяцев он пробыл в Германии, около полутора месяцев — в Италии, остальное время, вплоть до лета 1821 г., — в Париже.

³ В Москве Кюхельбекер находился с 1823 до 1825 г.

4. А. А. МОРДВИНОВ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Нерчинск. 23 февраля 1841 г.

Милостивый государь,
Вильгельм Карлович!

Я никогда не ищу странное в том, где есть одно только естественное, никогда не забываю оказывать должного уважения заслуживающему его и расплачиваться честно с моими благородными кредиторами. Итак, благодарю Вас сердечно за русское, добросовестное спасибо, которое всегда,

всего больше находит сочувствие в моей душе, где, как и во всякой другой, думаю, редко, очень редко отдаются извне звуки искренности; а Ваше спасибо я не принимаю иначе как за такой звук и, будто давно не виданного знакомого, приветствую дружески. В самом деле, поверьте, я говорю с Вами, точно с давно знакомым: тон Вашего письма, этот откровенный и умный тон, много выиграл моего доверия; не улыбайтесь насмешливо живости молодого человека; быть вечно холодным, встречать всегда людей, людей-животных, существующих только физически, без энергии, без малейшей благородной мысли, с чувствами вечно корыстными, — право, это нестерпимо, а в Вас я подозреваю человека, которому охотно, с уверенностью на сочувствие передам мою идею, мою надежду, даже печаль и радость; от чего же?.. Но простите моему болтливому перу, как я ему всегда прощаю, за то, что оно умеет иногда заставить душу, состаревшуюся под тяжестью скучного одиночества, хоть не надолго отдохнуть в подобной беседе.

Да! Русская литература в некоторых отношениях начинает принимать более серьезный и более благородный вид; но критика, критика, но творения фризских сочинителей, во множестве на состязание о нескольких сотнях рублей являющихся на петербургском и, особенно, московском горизонтах; но подрядные стихи, писанные в срок, но подражатели и их подражания?..

О, это пока унижает русскую литературу, главное — критика, которая у нас совсем забыла свою обязанность! Только поэтический талант Лермонтова ярко и резко отличается от других; ему готовят пальму первенства, когда создаст что-нибудь оригинальное, сильное, самобытное. Впрочем, говорить положительно о других поэтах довольно трудно: они, как кометы самой малой величины, то появляются, то исчезают, знаменуя свое присутствие тусклым бледным светом; от их поэзии нет тепла ни душе, ни сердцу.

Мне очень приятно, что я могу чем-нибудь быть полезен Вам и потому спешу возвращаемые книги заменить другими. И все время, пока я в Нерчинске и выписываю книги (журналы), отдаю Вам половину моего права на чтение их; но взамен этого прошу только Вашего знакомства и писем.

Письма людей, мною уважаемых и любимых, имеют удивительное влияние на расположение моего духа: каждая строка дарит меня часом приятного забытья.

Вам хочется прочесть творения Вельтмана и Лермонтова; из сочинений первого в Нерчинске есть «Сердце и думки», роман, которого дочитать до конца я не имею терпения¹, «Кошечка бессмертная» и, кажется, только. Лермонтова, кроме рассеянных в «Отечественных» зап(исках)» мелких стихотворений, ничего нет; его роман «Герой нашего времени» и небольшое собрание вышедших ныне избранных стихотворений чрезвычайно расхвалены². Но довольно! До свидания. Не забывайте же остающегося(ся) с истинным почтением к Вам

покорнейшего слугу Вашего А. М о р д в и н о в а

Г. Истомин³ приехал вчера и сегодня обратно едет, то я и не успею никак достать от гг. Юреневых⁴ соч(инения) Вельтмана; но при первом случае перешлю. Его новое творение «Генерал Каломерос» — очень неудачный фарс, разбренный дружно всеми журналами. Вообразите: здесь Наполеон в Москве влюбляется в графскую дочь, волочится, женится, говорит разные глупости и проч. Вельтман и Наполеон! Метеор спорит с солнцем.

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 74—75.

Александр Александрович М о р д в и н о в (1813—1872) — сибирский литератор и краевед. Окончил Иркутскую гимназию. В 1836—1846 гг. преподавал историю

и географию в Нерчинском уездном училище. Участвовал в кружке местных литераторов и краеведов (В. П. Паршин, М. А. Зензинов, И. А. Юренский, И. Е. Благовещенский и др.), поддерживавших с декабристами переписку и широкий обмен книгами.

Впоследствии Мордвинов служил в Красноярске и в Иркутске, а с 1862 г. — в Чите в должности вице-губернатора Забайкальской области. По некоторым данным, он покончил самоубийством из-за каких-то неприятностей по службе, связанных с «послаблениями ссылкой».

Среди интеллигенции и в Нерчинске, и в Иркутске Мордвинов пользовался большим авторитетом как знаток Восточной Сибири и широко образованный человек. Описания многочисленных поездок по Даурии, Прибайкалью и Туруханскому краю, а также материалы по этнографии Сибири печатались Мордвиновым в «Русском вестнике», «Отеч. записках», «Москвитянине», «Современнике» и других журналах.

Кюхельбекер посвятил А. А. Мордвинову послание «Прощай, приятель! Не забудь...» (К ю х е л ь б е к е р, I, стр. 184). Ю. Н. Тынянов датировал это послание очень неопределенно: «После 1835 года» (там же, стр. 466), но оно могло быть написано только после переезда Кюхельбекера в Акшу, когда состоялось его знакомство с Мордвиновым, в 1840 г.; настоящее письмо позволяет датировать это стихотворение 1840—1841 гг.

¹ Кюхельбекер всегда очень интересовался творчеством А. Ф. Вельтмана (1800—1870). В дневниковых записях неоднократно встречаются его суждения об отдельных произведениях Вельтмана, которого он считал очень неровным, но талантливым писателем (см. «Дневник Кюхельбекера», стр. 154—155, 247, 258. Отзыв о «Сердце и думах» — стр. 281). Интерес к творчеству Вельтмана Кюхельбекер сохранил и в Сибири, в чем, как видно из комментируемого письма, расходился со своими знакомыми. В следующем же году (1842) Кюхельбекер посвятил Вельтману заочно свою поэму «Вечный жид».

² Племянница Кюхельбекера Н. Г. Глинка писала ему 24 апреля 1843 г.: «...Роман Лермонтова мы не успели прочесть, потому что не хотели задержать Вашу книгу; в Павловске я ее верно получу от одного из наших знакомых. Начало мне читали: описания обычаев и жизни жителей Кавказа, по-моему, прекрасны; он совершенно переносит своего читателя к этим народам; герой же его — человек презрительный, в нем нет ни души, ни совести; с какою холодностью играет он судьбою бедной Белы!» (неизд. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, л. 61 об.).

³ И с т о м и н — письмоводитель пограничного комиссара А. И. Разгильдеева в Акше, приезжавший в Нерчинск. Упоминается в дневнике Кюхельбекера 1840 г. (записи от 16 февраля, 10 марта, 21 сентября, 7 октября).

Кюхельбекер, живя в это время в Акше, обучал детей Разгильдеева. Кюхельбекер собрал в Акше значительную библиотеку и перед своим отъездом передал ее Разгильдееву. Книги позже попали в Кяхту, а в 1858 г. племянник Разгильдеева продал в Иркутске из этой библиотеки около 200 томов, преимущественно исторического содержания (на русском, английском и, большей частью, на французском языках).

⁴ Ю р е н с к и е (у Мордвинова ошибочно: Юреневы) — нерчинские коммерсанты, имевшие довольно большую личную библиотеку, которая постоянно пополнялась путем подписки и обмена между Иркутском и Кяхтой.

5. А. КРАЕВСКИЙ — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

«Забайкалье.» 27/15 марта 1844 г.

Почтеннейший Василий Карлович,

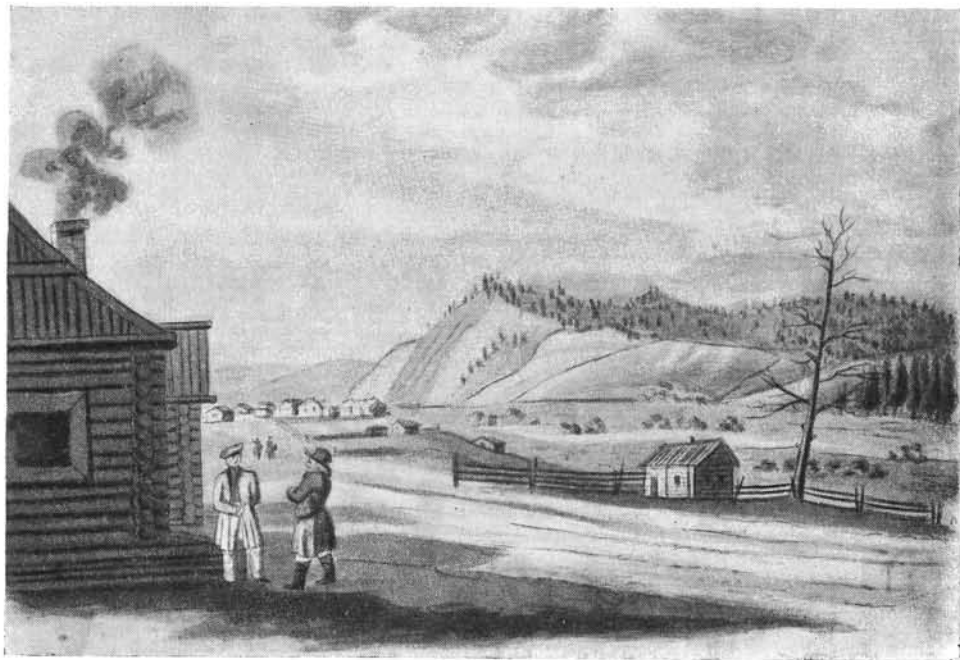
Ваше письмо сперва весьма обрадовало, а потом пристыдило меня немного. Вы мне показали, что Вы меня добрее. Не думайте, однако ж, чтобы мое продолжительное молчание было следствием равнодушия или забвения: ничего не было бы легче, как посылать Вам от времени до времени вежливое и коротенькое письмецо с осведомлением о здоровье Вашем и Вашего семейства, с уверениями в почтении и дружбе и проч.

Но этим, вероятно, не угодил бы я ни Вам, ни себе — между людьми в нашем положении, которых сближают не обстоятельства внешние или какие-либо светские условия, а только свободные их симпатии, настоящие *Wahlverwandschaften**, переписка может быть только настоящей перепиской — взаимным сообщением мыслей, а не церемонией, и потому-то редко бывает регулярной. Но докуда же мне извиняться?

* Родственные души (по названию романа Гёте) (нем.).

Лучше постараюсь отвечать Вам на Ваш вопрос о сочинениях Эренберга ¹.

Я не верю в неузнанные и неразвившиеся таланты; я думаю, что истинное дарование не может исчезнуть с лица земли, не сделав чего-нибудь соответственного своим силам. Но должен Вам признаться, что Эренберг неоднократно заставлял меня поколебаться в этом убеждении, не потому однако ж, чтобы его талант был не развит или не узан. Много творческой силы, в особенности же чистые эстетические понятия, верный взгляд на литературу и критику и превосходный слог — вот что я должен признать



СЕЛО ХАРА-ШИБИР НА ПУТИ ИЗ ЧИТИНСКОГО ОСТРОГА В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД

Акварель декабриста Н. П. Репина (?), 1830 г.

Музей революции ИМЭЛС при ЦК КПСС, Ленинград

Эренбергу, хотя он мне и старинный приятель. О литературной его деятельности не много можно сказать: все еще впереди.

О нескольких критических статьях в краковских журналах, о нескольких лирических стихотворениях, как бы они, впрочем, хороши ни были, нечего распространяться. Главным и, по-моему, весьма замечательным творением Эренберга была трагедия в стихах *Два скульптора* (или *Два ваятеля*, — не знаю, как лучше), написанная в Варшаве в 1837 году. К несчастью, и рукопись автора и только что переписанный набело экземпляр этой пьесы попались при его арестовании вместе с прочими бумагами в руки блюстителям порядка благочиния и, вероятно, лежат где-нибудь в архивах Следственной комиссии, если только не уничтожены. В другое время, если этого пожелаете, я Вас могу познакомить с содержанием этой трагедии, довольно оригинальной по своему вымыслу и исполнению. Здесь уже написал Эренберг лирическую драму под загл(авием) *Могила Забоя*, которой содержание заимствовано отчасти из известной древне-богемской песни *Забой, Славой и Людек*. Писана стихами различных размеров, везде обработанными и прекрасными; впрочем, по своему

славянскому предмету незанимательна она для меня — Эренбергу еще только 26 лет; если он оставит свой непохвальный обычай много начинать, а ничего не кончить, то можно от него ожидать произведений высокого достоинства. Он, впрочем, работает с трудом и никогда не будет принадлежать к писателям легким и обильным.

Оканчиваю. Теперь у меня Савичевский²; время летит неприметно. После продолжительного моего одиночества, среди совершенной холодности, которою я здесь окружен, приезд любимого друга отвлек меня от обычных занятий; не могу наговориться, послушаться фортепьяна, давно, давно не слышанного. С трудом пришлось найти время, чтобы написать несколько строк. Через несколько дней еду вместе с Савичевским в завод, где проведу Пасху. По возвращении оттуда надеюсь писать попространнее.

Искренно Вас почитающий и любящий Краевский

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 30—31.

Александр Краевский (1818—1903) — польский патриот-демократ, критик и переводчик. Окончил Варшавский лицей, служил в качестве почтового чиновника. С конца 1836 — начала 1837 г. — деятельный член крупнейшей тайной патриотической организации — «Объединение польского народа». Центром деятельности этой организации, основанной в 1835 г., была Галиция; ячейки организации существовали и в других польских землях. На квартире у Краевского в Варшаве происходили собрания варшавской секции «Объединения», в которую входили поэт Густав Эренберг и Константин Савичевский, упоминающиеся в публикуемом письме.

В «Объединении польского народа» было два направления: радикально-демократическое, выдвигавшее революционную программу восстановления независимости Польши и ведущее пропаганду среди народных масс, и либеральное, высказывавшееся против радикального решения социальных вопросов. Прогрессивное крыло «Объединения» было тесно связано с польской демократической эмигрантской организацией «Молодая Польша», входившей в состав «Молодой Европы». Одним из самых выдающихся деятелей «Объединения польского народа» был эмиссар «Молодой Польши» Шимон Конарский, арестованный в 1838 г.

Конарский был приговорен к смертной казни и расстрелян в феврале 1839 г. В 1839—1841 гг. почти все тайные польские патриотические общества были разгромлены австрийским, прусским и русским правительствами. В числе сотен польских патриотов были арестованы Александр Краевский, Густав Эренберг и Константин Савичевский, принадлежавшие к демократическому крылу «Объединения». Поэт-революционер, Эренберг, как один из активнейших деятелей «Объединения», был приговорен к смертной казни, замененной потом пожизненной каторгой; Краевский и Савичевский — к пяти годам каторги с последующим поселением в Сибири. Краевский вернулся из Забайкальского края в Польшу в 1857 г. Он сотрудничал в журнале «Biblioteka Warszawska» (опубликовал там сделанный в Сибири перевод I части «Фауста» Гёте, переводы из Горация, Шиллера, а также литературно-критические статьи и рецензии). Краевскому принадлежит польский перевод «Чайльд-Гарольда» Байрона (Варшава, 1896). Известен Краевский также как автор статей по экономическим вопросам, опубликованных в журнале «Rocznik gospodarstwa» в шестидесятых годах.

Публикуемое письмо Краевского Кюхельбекеру наглядно иллюстрирует те дружеские взаимоотношения, которые существовали между передовыми сынами русского и польского народов, борцами против самодержавия и крепостничества. Письмо Краевского свидетельствует о неослабевающем интересе Кюхельбекера к польской поэзии. (Об изучении им польского языка и чтении в оригинале произведений А. Мицкевича, Ю. Немцевича и Э. Одынца см. письмо к Пушкину из Динабургской крепости от 20 октября 1830 г. — Пушкин, т. XIV, стр. 117, а также письмо Ф. Э. Скрежидлевского Кюхельбекеру. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 41). Характерно, что Кюхельбекер стремился получить подробные сведения именно о творчестве Г. Эренберга, литератора-патриота и революционера, во многом близкого и созвучного гражданственной поэзии Пушкина, Лермонтова, самого Кюхельбекера и других поэтов-декабристов.

Публикуемое письмо представляет большой интерес и для истории польской литературы. В нем впервые сообщается о том, что Эренберг написал в 1837 г. трагедию в стихах «Два ваятеля» и что она при аресте поэта попала в руки полиции. Новыми являются и сведения о создании Эренбергом в Сибири лирической драмы «Могила Забоя».

Шляхетские и буржуазные литературоведы умышленно обходили молчанием творчество Эренберга, а наиболее реакционные из них говорили о прогрессивном поэте с нескрываемой ненавистью.

¹ Густав Эренберг (1818—1895) был любимцем передовой патриотической польской молодежи. Большинство поэтических произведений Эренберга 1834—1838 гг. переписывалось от руки и пользовалось большой популярностью не только среди членов тайных патриотических обществ, но и среди широких народных масс Польши. Стихотворение Эренберга «О, хвала вам, пань-магнаты» стало распространенной польской революционной песней. Только незначительная часть произведений Эренберга 30-х годов была опубликована в прогрессивном познанском журнале «Tygodnik literacki» за 1838—1840 и 1841 гг. (в том числе сатирическая повесть «Будьте простодушны, как голуби, и хитры, как змеи»). Впоследствии друзья Эренберга собрали его поэтические произведения, распространявшиеся в рукописных списках, и издали анонимно в Париже в 1848 г. сборник «Звуки минувших лет».

В стихотворении «О, хвала вам, пань-магнаты» Эренберг гневно обвиняет аристократию и реакционное католическое духовенство в предательстве родины и провозглашает лозунг вооруженной борьбы против польских светских и духовных феодалов-угнетателей и иноземных поработителей. В этом произведении, которое перешло в уста народа, поэт писал: «О! Когда пробьет час восстания, народ пригласит магнатам пир, он заставит играть мечи и петли, а шляхта пусть тогда танцует». Надежды на освобождение своей родины, на счастье всего человечества Эренберг связывал с революционной борьбой народов. В стихотворениях «Рождество», «Танцы» поэт вдохновенно воспевае революцию; с радостью говорит он о том, что после победы народов над миром «взойдет прекрасное солнце, упадут цепи с ног» («Tygodnik literacki», 1840, № 51, str. 402). Мыслью о недолговечности господства тиранов и горячей верой в победу революции над реакцией проникнуто стихотворение «Песня на развалинах».

Арестованный в Варшаве (куда он прибыл на съезд «Объединения» в качестве делегата краковской секции Общества), Эренберг 20 лет пробыл в Сибири, в Забайкальском крае (из них 15 лет на каторжных работах, 5 лет на поселении). В Сибири литературная деятельность Эренберга не прекратилась. Он написал там цикл даурских элегий, ряд сонетов (произведения эти не опубликованы) и, как сообщает Краевский Кюхельбекеру, лирическую драму в стихах «Могила Забоя». В 1858 г. Эренберг был «помилован» Александром II и вернулся в Польшу. Он служил библиотекарем в книгохранилище Замоиских в Варшаве, затем читал курс всеобщей литературы на Высших женских курсах при Музее д-ра Андриана Бараницкого в Кракове. Во время восстания 1863 г. был на краткий срок вторично арестован. Эренберг перевел «Зимнюю сказку» Шекспира (1873), «Новую жизнь» Данте (перевод издан в Варшаве в 1902 г.) и написал исследование о баснях И. Красицкого (1871).

Творчество Эренберга было неразрывно связано с польским национально-освободительным движением, в особенности — с демократическим, революционным направлением в этом движении. В отличие от многих участников борьбы за национальную независимость Польши, питавших иллюзии о возможном единстве всех классов польского общества, Эренберг призывал народ к восстанию против иноземных поработителей Польши и против польского феодального класса. После разгрома общества «Объединение польского народа» традиции его левого крыла были унаследованы польской революционной демократией сороковых годов, наиболее выдающимися представителями которой были глава революционного крыла краковских повстанцев Эдвард Дембовский и Ю. Госляр.

² Кюхельбекер пишет о Савичевском в дневнике 6 декабря 1840 г. и 6 и 30 ноября 1842 г. В последней записи он называет Савичевского «своим милым Константином». О расставании с Савичевским Кюхельбекер упомянул в тогда же написанном стихотворении «Аргунь»:

Увы! с последним другом расставаье!
По крайней мере, без пятна!
Хоть это сбережет воспоминанье
И чувств и дум моих скупая глубина...

В августе 1842 г. Кюхельбекер посвятил Савичевскому свою драматическую сказку «Иван, купечий сын». В обширном посвящении-предисловии он говорил о Савичевском в весьма лестных выражениях, отмечая его «чистое и свежее» сердце и душевное благородство и называя его своим «истинным ангелом-утешителем» (см. К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 478—480).

6. А. В. ПОДЖИО — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Перевод с французского.

с. Усть-Кудинское. 9 июля 1845 г.

Если я медлил с ответом, дорогой друг, то лишь потому, что я еще питал надежду дать Вам более удовлетворительные сведения о Ваших здешних делах. К несчастью, после наведенных справок могу сообщить

Вам мало хорошего. Сбыт Ваших книг был незначительным, чтобы не сказать ничтожным¹. Так как количество книг превышало количество образованных людей, нам едва удалось найти человек десять покупателей. Эта страна золота, как видите, не является страной мысли, а не могло ли казаться, что золото ищет мысль? Из-за оторванности от какой бы то ни было культурной жизни, Вы здесь, друг мой, не найдете справедливых ценителей Вашего таланта, на это нечего надеяться. Поэтому следовало бы, мне кажется, попытаться соблазнить зауральцев, и вот что я Вам предлагаю: послать оставшиеся экземпляры на Нижегородскую ярмарку и продавать их там со скидкой, как это делается с сочинениями Марлинского, Пушкина и других. Впрочем, полную аналогию представляют и все европейские знаменитости. Ламартин, Гюго, Шатобриан, — почитайте-ка газеты, — продаются, и все продается со скидкой. Что же это — сам талант или само произведение обесценено, осуждено на скидку? О нет, сто раз нет! Талант может расти, тогда как материальная часть его произведений идет на снижение, и это до такой степени верно, что можно считать аксиомой, что снижение цены произведения зависит от роста таланта. Это объяснимо: с тех пор как экономисты включили произведения духа в область политической экономии, с ними происходит то же, что со всяким другим продуктом, то есть, в случае, когда продукция превышает потребление, следует снижение цены на продукцию. Когда пишешь больше, чем читают, подвергаешь себя печальному последствию снижения, а так как Вы в этом смысле *gran ressource* *, благоволиите сказать мне, согласны ли Вы подчиниться этому закону, подстерегающему вас всех, знаменитости вы несчастные!

Как только Вы меня об этом уведомите, я приму необходимые меры.

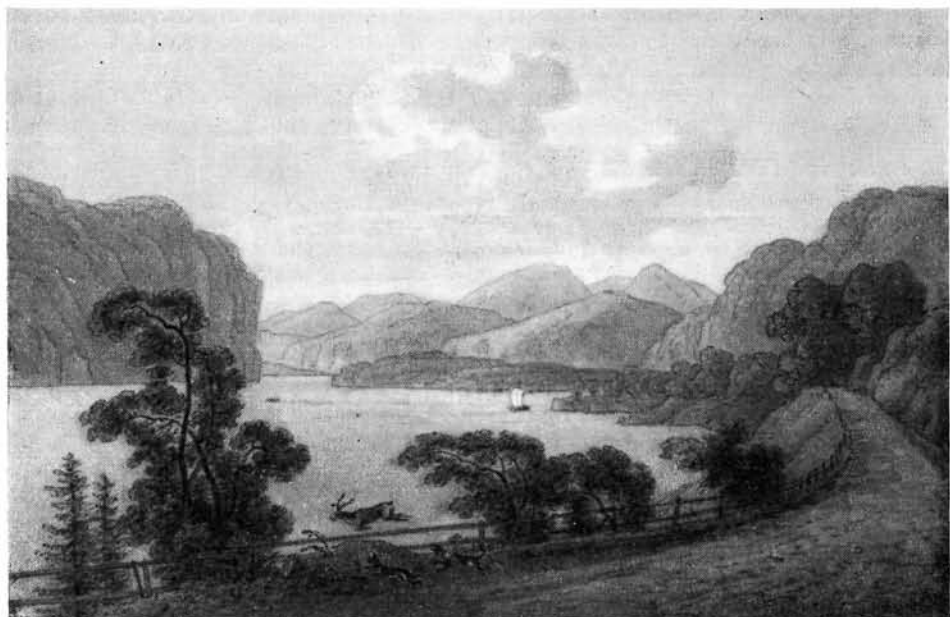
Коснемся теперь бесплодного вопроса — шубы. Во-первых, всего-навсего пятьдесят рублей капитала и общая нужда вокруг! Это бы еще сошло, если бы не возникли новые трудности, ибо я, так или иначе, мог бы ускорить покупку в кредит, но вот в чем дело: Вы глубоко ошибаетесь, полагая, что Вы находитесь в стране дешевизны. Все ужасно дорого, и товары идут в ногу с общим повышением цен. За лисий мех, только что купленный одной немкой (а Вы знаете, что такое немка в подобных случаях), итак, за мех весьма низкого качества было заплачено сто восемьдесят рублей. Прибавьте к этому воротник, материю, которую не достанешь дешевле, чем за сто рублей, и работу — и все вместе обойдется свыше четырехсот рублей — сумма, очень большая для состояния Ваших финансов и на которую, я полагаю, Вы не рассчитывали. Коль скоро книги будут распроданы в Нижнем, там можно будет дешево достать прекрасный мех, так как мы его оттуда получаем. Я очень огорчен, дорогой Вильгельм, что лишен возможности удовлетворить Ваше желание; мои финансы, из-за моих племянниц², находятся в прискорбном *status quo*, и с Вашего отъезда³ я не получил ни обота. Это произойдет, я себе это твержу, я себя заставляю этому верить, так как в конце концов мне есть на кого рассчитывать; но Вы, дорогой друг, как видно, скоро будете на мели, и я не предвижу средства вернуть Вас на воду, Поэтому какой там выбор поселения, да еще после изучения бесплодности почвы, чтобы потом вдобавок оказаться виноватым в том, что пустил там корни! К чему эта глупость и вся эта проза, мой поэт? Уж не забыли ли Вы стихи Ламартина:

Поэт подобен перелетным птицам,
Не выющим гнезд на берегу реки, и т. д.

* великий грешник (итал.).

Это, правда, не мешает ему иметь премилый замо́к на Роне, но Вам, несомненно, помешало бы иметь таковой на Тоболе. Не люблю я Тобола, разве только он вдохновит Вас и вырвет у Вас такой же поэтический возглас, как исторг у Вас Онон ⁴.

Ваша муза, стало быть, в самом деле станет архитектором. Это, по крайней мере, будет единственным созданным ею произведением, в котором нет ни складу, ни ладу. Что меня огорчает в этой поэзии, это решение, повидимому принятое Вами, остаться в Кургане, тогда как, если похлопотать, Вы могли бы добиться разрешения поселиться в Тобольске.



ВИД БАЙКАЛА С ЧУМАНСКОГО КАМНЯ

Акварель А. Е. Мартынова из альбома художника «Живописное путешествие при Российском посольстве в Китай», 1805 г.

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ленинград

Вот местопребывание, которое подошло бы Вам во всех отношениях; и как же я сожалею и не могу простить себе, что не предложил Вам поселиться в наших окрестностях. По приезде в Иркутск было уже поздно, но до того, но раньше, — и приехал-то я во-время⁵. Но я предполагал у Вас непреодолимые причины практического порядка, а вышло, что Вы остались без источника доходов. Ах, как это меня печалит, дорогой друг! Но не будем тем не менее отчаиваться; я последний, кто сомневается в твердости и силах, таящихся в Вас.

Возвращаюсь к Вашему письму, чтобы перечесть его дружеское содержание. Нельзя не остановиться на проявлении столь искренней дружбы. Она кажется действительно прочувствованной. Возвращаю ее Вам, дорогой друг, столь же искренней и столь же преданной. Простите и позвольте от всего сердца обнять Вас. Брат мой ⁶ и все наши ⁷ дружески Вам кланяются.

Усть-Куда.

9 июля 1845.

Прилагаю пятьдесят рублей за десять проданных экземпляров. Книжка⁸ просит передать Вам, равно как Вашей жене, ее дружеские чувства. Неллинька и Мишель⁹ целуют Ваших деток.

* Вполне ценю, добрейшая Дросида Ивановна, расположение Ваше ко мне и так же живо и часто вспоминаю пребывание Ваше у нас в Иркутске и в особенности у меня в Усть-Куде. Я вас всех встретил у себя, как друзей, а проводил, как родных.

Дружба почтенного Вильгельма Карловича и память Ваша обо мне поддерживают меня в этих к Вам чувствах. Примите их. Они искренни и беспрдельны. Не мог я Вам услужить и вдвойне чувствую всю тяжесть стесненных моих обстоятельств. Простите, добрейшая Д<росида> И<вановна>. Не забывайте меня, берегите Вильгельма и обнимите деток Ваших!

Искренно Вам преданный

А. Поджио

Автограф. ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, лл. 71—74.—Перевод М. Г. Ашукиной.

Публикуемое письмо Александра Викторовича Поджио (1798—1878)—активного деятеля Южного общества к Кюхельбекеру — единственное из числа дошедших до нас — свидетельствует об их дружеских отношениях. Оно ярко иллюстрирует бедственное материальное положение Кюхельбекера в период ссылки.

¹ Очевидно, речь идет о произведениях Кюхельбекера, изданных анонимно в период его заточения и ссылки. В 1835 г., по личному ходатайству Пушкина перед Николаем I, были напечатаны две части романтической драмы «Ижорский». В 1836 г., также при содействии Пушкина, увидел свет «Русский Декамерон 1831 года».

² Племянницы — дочери И. В. Поджио: Софья, Наталья, Мария.

³ По пути из Акии в Курган (из Акии Кюхельбекер вышел 2 сентября 1844 г., в Смоленскую слободу приехал 22 марта 1845 г.) Кюхельбекер около месяца пробыл в Иркутске.

⁴ Онон — река в Забайкальской области; на берегу Она Кюхельбекер жил (в крепости Акша) с 1839 по 1844 г. В стихотворении Кюхельбекера «Три тени» (написанном 13—14 июля 1840 г.) имеется строка: «На дилом берегу Она я сидел...».

⁵ На основании указа от 10 июля 1839 г. Поджио поселился в с. Усть-Кудинском близ Иркутска, с разрешения начальства он время от времени приезжал в Иркутск, как и другие декабристы, поселенные в Иркутском округе.

⁶ Иосиф Викторович Поджио (1792—1848).

⁷ В Иркутском округе, в селениях Куде, Урикское, Усть-Кудинское, Малая Разводная, Оек и другие, жили в это время П. А. Муханов, Н. А. Панов, А. А. Быстрицкий, А. Н. Сутгоф, С. П. Трубецкой, А. З. Муравьев, П. И. и А. И. Борисовы (см. Б. Кубалов. Декабристы в Восточной Сибири. Иркутск, 1925).

⁸ Мария Николаевна Волконская (см. о ней стр. 470—472 настоящего тома).

⁹ Елена (1835—1916) и Михаил (1832—1909) — дети М. Н. и С. Г. Волконских. Поджио, близкий друг семьи Волконских, был их учителем.

7. М. А. ФОНВИЗИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Тобольск. 8 сентября 1845 г.

Виноват перед Вами, почтенный и любезнейший Вильгельм Карлович, что так замедлил отвечать на дружеские Ваши письма и благодарить Вас за труд, который Вы на себя взяли — исправлять мой перевод¹. Inbe-griff! — делайте с ним, что Вам угодно: я уверен, что, исправленный Вами, он будет хорош. Насчет переписки перевода набело я прошу Вас только уведомить меня, что это будет стоить, и <я> доставлю Вам деньги для заплаты г-ну Рихтеру² и бумагу, которую на этих днях ожидаю с Нижегородской ярмарки. Я готов платить переписчику то же, что ему платил Александр Федорович³.

О переводе Вас в самый город Курган⁴ я говорил с губернатором. Он готов сделать об этом представление, но для этого ему нужен предлог,

* Далее по-русски.

** В сущности (нем.).

то есть просьба от Вас, в которой бы Вы изложили, что по болезненному Вашему состоянию Вам необходима врачебная помощь, которой в деревне Вы лишены. Впрочем, губернатор говорит, что ни с его стороны, ни от прочих властей Вам не будет ни малейшего препятствия жить в городе. Губернатор во всех отношениях человек предостойный и выше всех тех губернаторов, с которыми я имел сношения в Сибири, — а их было девять. Он вообще очень хорошо расположен к нашим. Познакомившись с ним, когда он будет ревизовать Курган, Вы найдете человека доброго, умного и образованного ⁵.

Все это хотел сообщить Вам с г-м Соболевским ⁶, доставившим мне Ваше письмо, но он уехал днем ранее, нежели как он мне сказал, и я случайно был свидетелем его отъезда, не успев приготовить письма к Вам.

Мы, наконец, купили дом на горе, в который переедем в начале октября.

Жена моя ⁷ дружески приветствует Вас и Вашу супругу — она благодарит Вас за память об ней, и я Вас мысленно от души обнимаю и остаюсь с любовью преданный Вам

М. Ф о н в и з и н

Автограф. ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 269.

Публикуемые письма Фонвизина (второе письмо см. ниже) свидетельствуют о его дружеских отношениях с Кюхельбекером, об их постоянной переписке, единственными документами которой эти письма и являются, так как остальные до сих пор не обнаружены. В Сибири, по пути из Акши в Курган, Кюхельбекер встретился с Фонвизиним. В последний период жизни в Тобольске Кюхельбекер также встречался с Фонвизиним и его семьей.

¹ М. А. Фонвизин, как и другие декабристы, занимался переводами. Так, 1 июня 1844 г. он писал Оболенскому: «В журнале Мейера есть продолжение <...> статьи, состоящее, кажется, из 15 или 16 глав, которые я намерен перевести для брата, и когда мой перевод будет готов, то перешлю его к Вам» («Памяти декабристов. Сборник материалов», т. III. Л., 1926, стр. 107). См. также упоминание о статье «Социализм и коммунизм», переведенной из журнала «Gegenwart» (т. I, 1848) в письме к тому же адресату от 15 мая 1851 г. (там же, стр. 109); в письме от 6 июня 1851 г.: «Ваш труд взманил и меня перевести статью из Gegenwart: „Социальные движения настоящего времени“ <...> В последнее время меня очень занимали социалистские и коммунистские вопросы» (там же, стр. 111); см. также письмо от 22 июля 1851 г.: «...я занялся переводом из Gegenwart нескольких статей, из которых посылаю в подарок Ивану Ивановичу о панславизме, а Вам обещанную: „Социальные движения настоящего времени“ — кроме этих двух статей у меня готовы еще две: об историческом развитии труда и об английском или Роберта Овена социализме» (стр. 113—114).

Перечисленные здесь статьи напечатаны в периодическом издании, посвященном новейшей истории — «Gegenwart», издававшемся в Лейпциге, начиная с 1848 г. (т. I, стр. 79—93, 560—585, 464—487).

² Р и х т е р — приятель Кюхельбекера (см. о нем стр. 478 настоящего тома).

³ Александр Федорович Бригген — декабрист (см. о нем стр. 476 настоящего тома).

⁴ С весны 1845 г. Кюхельбекер жил в Смолинской слободе Курганского уезда Тобольской губ., куда он перевелся из Акши (см. об этом стр. 398 настоящего тома).

⁵ Имеется в виду Карл Федорович Энгельке — тобольский губернатор с 1845 г. В начале декабря этого года он ходатайствовал перед генерал-губернатором Западной Сибири кн. П. Д. Горчаковым о разрешении Кюхельбекеру прибыть в Тобольск для лечения, ссылаясь на отсутствие медицинской помощи в Кургане (А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири. СПб., 1905, стр. 215—216). О нем упоминает в своих воспоминаниях Д. И. Кюхельбекер («Декабристы и их время», 1951, стр. 88).

⁶ Лицо неизвестное.

⁷ О жене Фонвизина, Наталье Дмитриевне, см. стр. 474 настоящего тома.

8. М. А. ФОНВИЗИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

Тобольск. 11 октября 1845 г.

Чувствительнейше благодарю Вас, почтеннейший и любезнейший Вильгельм Карлович, за дружеское письмо Ваше от 27-го сентября ¹, на

которое я замедлил ответом, потому что неохотно посылаю мои письма официальными путями, а случая к Вам не представлялось до сегодня. Этот листок доставит Вам Самуил Ефимович Злотников², которого Вы уже знаете — он едет в другой раз в Курган по своим торговым делам. Вы можете верить ему для доставления мне исправленные тетради моего перевода, которые по мере получения их от Вас можно будет переписать здесь³. Мой добрый знакомый Петр Дмитриевич Жилин⁴, у которого почерк четкий и довольно красив, охотно вызывается переписывать мне все, что я ему даю; он любит этого рода занятие, имея много свободного времени, — пишет же он очень скоро. До изобретения книгопечатания талант его был бы драгоценен.

Еще раз! приношу Вам мою сердечную благодарность за труд, который Вы на себя приняли — исправлять мой перевод. Продолжайте и пересылайте мне Вашу работу постепенно — Вы много меня обяжете, а я постараюсь Вам доставить начисто переписанный экземпляр, потому что здесь в копиях нет недостатка и берут с листа *d'une écriture assez serrée* * 30 или 40 копеек, не дороже.

Я и жена моя принимаем самое искреннее участие во всем, до Вас касающемся, сердечно поскорбели, что Вы опять захворали — видно, что курганский климат неблагоприятен для Вас. Как бы мы оба обрадовались, если бы судьба свела нас с Вами и если бы Вы каким-нибудь образом сделались жителем Тобольска.

Давно хотел предупредить Вас, что Вы в открытых письмах отвечаете на мои, которые дошли к Вам неофициальным путем. Хорошо, что в канцелярии на это еще не обратили внимания, а то могли бы выйти неприятности, и тем более, что я к Вам ни одного раза не писал чрез начальство.

Жена моя поручает себя Вашей памяти и дружески Вас приветствует, а мы оба просим Вас засвидетельствовать наше почтение Вашей супруге и перечековать за нас Ваших милых малюток.

Пожелав Вам от всего сердца здоровья и душевного мира с любовью остаюсь

Вам преданный

М. Ф о н в и з и н

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 41—42.

¹ Письма Кюхельбекера к М. А. Фонвизину не дошли до нас.

² Самуил Ефимович З л о т н и к о в — лицо неизвестное, вероятно — купец, житель Тобольска.

³ О переводе Фонвизина см. предыдущее письмо.

⁴ Петр Дмитриевич Ж и л и н (ум. в 1854) — тобольский чиновник, член тюремного комитета в Тобольске, работал в области улучшения тюремного быта; находился в приятельских отношениях с декабристами, жившими на поселении в Тобольске и Ялуторовске. О характере и степени близости этих отношений свидетельствует рассказ Н. Д. Фонвизинной в письме от 6 июля 1842 г. к С. Я. Знаменскому. Фонвизина сообщает, что поступил донос следующего содержания: «...государственные преступники и жены их составили тайное общество вместе с Жилиным и генералом Горским и собираются всякий день у Жилина, где для совещаний затворяют все двери». Далее Фонвизина пишет: «К Жилиным из наших никто не ездит, мы чаще всех; следовательно, это на Михаила Александровича и на меня падает» («Лит. сборник». Изд. редакции «Восточное обозрение». СПб., 1885, стр. 222—223).

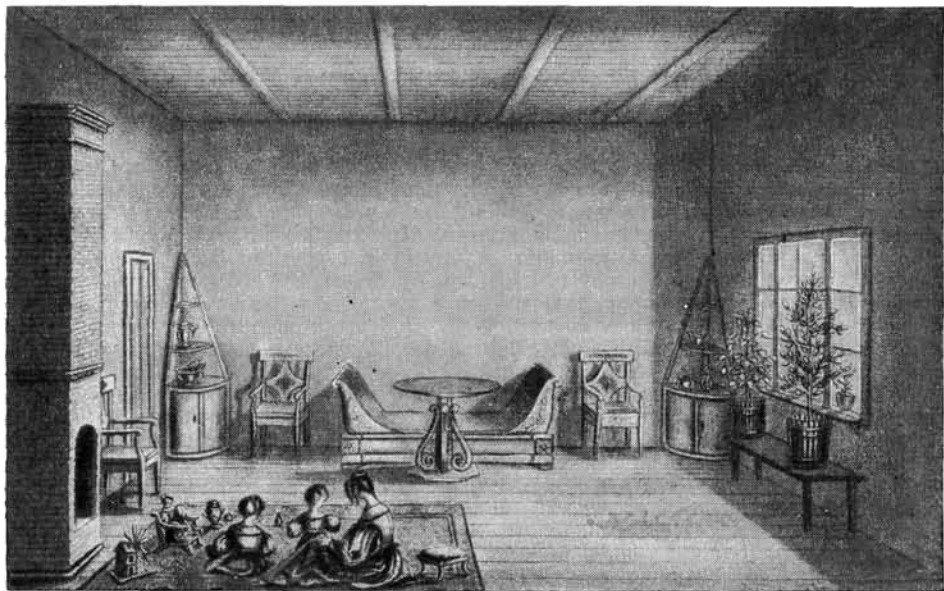
П. Д. Жилин был любителем-музыкантом и художником. В собраниях Гос. исторического музея сохранился акварельный рисунок работы М. С. Знаменского, на котором Жилин изображен играющим на скрипке на музыкальном вечере у декабриста А. М. Муравьева (в Тобольске). Сохранился также датированный 1844 годом акварельный портрет И. Д. Якушкина работы П. Д. Жилина (см. Я к у ш к и н, между стр. 304—305).

* убористого письма (франц.).

9. И. И. ПУЩИН — КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

〈Ялutorовск.〉 13 июля 1846 г.

Очень жаль, любезный друг Кюхельбекер, что мое письмо тебя рассердило: я писал к тебе с другою целью; но видно, что тут, как и во многих других обстоятельствах бывает, приходится каждому остаться при своем мнении. Писать больше об этом тебе не буду, потому что отнюдь не намерен волновать тебя, к тому же ты видишь какие-то оттенки богатств, о которых я никогда не помышлял. Во всех положениях есть разница состояний, во всех положениях оно. может быть, имеет некоторые влияния на отношения; но в нашем исключительном положении



КОМНАТА В ДОМЕ М. Н. ВОЛКОНСКОЙ В ПЕТРОВСКОМ ЗАВОДЕ

Рисунок декабриста А. М. Муравьева, начало 1830-х гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

это совсем не то. Богат тот, который сам может или умеет что-нибудь произвести¹ — потому ты богаче меня и всех тех, кому родные присылают больше, нежели тебе; богат между нами еще тот, кто имеет способность распорядиться полученным без долгу; следовательно, и в этом отношении ты выше нас. Одним словом, письмо твое пахнет хандрой. Пожалуйста, извини, что я навел тебя невольным образом на такие размышления, которые слишком отзываются прозой. Мне это тем неприятнее, что я привык тебя видеть поэтом не на бумаге, но и в делах твоих, в воззрениях на людей, где никогда не слышен был звук металла. Что с тобой сделалось?² Верно это была минута, где мой Вильгельм был не в своей тарелке. Эта минута, без сомнения, давно прошла: я в это〈м〉 твердо уверен.

Ты мне ничего не говоришь о своем здоровье. Поправляется ли оно настоящим образом? Бога ради, не бросай оружия, пока не изгонишь совершенно болезни.

У нас все в известном тебе порядке. В жары я большею частию сижу дома, вечером только пускаюсь в поход. Аннушка³ пользуется летом

сколько возможно, у нее наверху прохладно и мух нет. Видаемся мы между собой попрежнему, у каждого свои занятия — коротаем время, как кто умеет⁴. Слава богу, оно не останавливается.

Приветствуй за меня Дросиду Ивановну и поцелуй детей. Все наши мужского и женского пола желают вам, вместе со мной, всего лучшего.

Верный твой

И. П у щ и н

На обороте: Прошу покорно почтенного Александра Ивановича доставить это письмо Вильгельму Карловичу.

Автограф. ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 39—40.

Это единственное дошедшее до нас письмо Пушкина к Кюхельбекеру. По сообщению Ю. Г. Оксмана, он приобрел в 1933 г. 68 писем Пушкина к Кюхельбекеру. Письма эти он предоставил в 1936 г. Ю. Н. Тынянову. Ныне местонахождение этих писем неизвестно.

Письмо Пушкина является ответом на не дошедшее до нас письмо Кюхельбекера, в котором, очевидно, речь шла о тяжелом материальном положении поэта. 26 февраля 1845 г. Пушкин писал Е. А. Энгельгардту: «Скоро я надеюсь увидеть Вильгельма, он должен проехать через наш город в Курган, я его на несколько дней заарестую. Надобно будет послушать и прозы, и стихов. Не видел его с тех пор, как на гласисе крепостном нас собирали — это тоже довольно давно. Получал изредка от него письма, но это не то, что свидание». В другом письме, от 21 марта 1845 г.: «Три дня прогостил у меня оригинал Вильгельм. Проехал на житье в Курган с своей Дросидой Ивановной, двумя крикливыми детьми и с ящиком литературных произведений. Обнял я его с прежним лицейским чувством. Это свидание напомнило мне живо старину: он тот же оригинал, только с проседью в голове. Зачитал меня стихами до-нельзя <...> Не могу сказать Вам, чтоб его семейный быт убеждал в приятности супружества»; «Признаюсь Вам, я не раз задумывался, глядя на эту картину, слушая стихи, возгласы мужиковатой Дронюшки, как ее называет муженек, и беспрестанный визг детей»; «Спасибо Вильгельму за постоянное его чувство, он точно привязан ко мне <...> он, бедный, не избалован дружбой и вниманием. Тяжелые годы имел в крепостях и в Сибири» (Пушкин, стр. 196, 198—199).

Встреча лицейских друзей впервые после Петербурга произошла в феврале 1845 г., когда Кюхельбекер проездом из Акши в Курган три дня прожил в Ялуторовске. Вторая и последняя их встреча состоялась в марте 1846 г.; по дороге в Тобольск Кюхельбекер снова останавливался у Пушкина (см. стр. 398 настоящего тома).

¹ Речь идет о поэтических работах Кюхельбекера, который в годы заточения и ссылки тшечно стремился превратить их в источник средств к существованию. В письмах Кюхельбекера к разным лицам неоднократно повторяется просьба выхлопотать для него разрешение печататься анонимно или под псевдонимом. Так, 31 декабря 1836 г. он пишет Ю. К. Кюхельбекер: «Выхлопочи мне позволение кормиться своим ремеслом» («Декабристы и их время», 1951, стр. 72). В мае 1838 г. Кюхельбекер с той же просьбой обращается к Жуковскому: «...Исходатайствуйте мне позволение вырабатывать хлеб насущный литературными, безыменными трудами <...> Теперь речь не о славе <...>, а, повторяю, о хлебе насущном» («Русский архив», 1871, № 1, стб. 0176. См. также письмо к Жуковскому от 11 июня 1846 г. — «Русский архив», 1872, № 5, стб. 1007 и т. д.).

² Кюхельбекер никогда не терял веры в свое поэтическое призвание. Замечательны следующие строки его письма из крепости: «Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти и, признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзиею я предпочел бы счастию без нее» (письмо к Н. Г. Глинке. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 351). Однако постоянная нужда и борьба за кусок хлеба в период жизни на поселении мешали Кюхельбекеру заниматься поэзией:

...ныне бледные заботы,
И грязный труд, и вопль глухой нужды,
И визг детей, и шум, и стук работы
Перекричали песнь златой мечты...

(стих. «Исфранду», 1837).

³ А н н у ш к а — дочь И. И. Пушкина (1842—1863), в замужестве Полибина.

⁴ В Ялуторовске, кроме Пушкина, в это время жили на поселении — Оболенский, Якушкин, М. И. Муравьев-Апостол, В. К. Тизенгаузен. В письме к Энгельгардту от 26 февраля 1845 г. Пушкин писал: «...Я доволен моим пребыванием в Ялуторовске. Нас здесь пятеро товарищей; живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся» (Пушкин, стр. 195).

ПРИЛОЖЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ ПИСЕМ К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ*

Составила Л. Я. Вильде

1812

1. Август. 24. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 324. (Отрывок. Перевод с немецкого).

1813

2. Январь—декабрь. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 322. (Отрывок. Перевод с немецкого).

1817

3. Март. Н. И. Гнедич. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 358—359.

4. Апрель. 28. Ю. Я. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 336. (Отрывок. Перевод с немецкого).

5. Октябрь. 14. А. Ф. Воейков. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 359.

1817—1825

6. Ф. Н. Глинка. — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. VIII. М., 1901, стр. 247—248.

1818

7. Апрель. 4. А. Д. Илличевский. — «Пушкин и его современники», вып. XXXI-XXXII. Л., 1927, стр. 152—154.

* В государственных архивах СССР и в частных собраниях редакцией «Литературного наследства» выявлены следующие неопубликованные письма разных лиц к Кюхельбекеру:

Н. В. Басаргин. 27 марта, 19 апреля и 5 мая 1846 г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 43—47 (отрывок из письма от 5 мая и воспроизведение его см. на стр. 548 и 551 настоящего тома).

С. Веселовский. 10 марта 1824 г. — ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1576.

Г. А. Глинка. 16 июня 1815 г. — Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов).

Нат. Г. Глинка. 24 апреля 1843 г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 60—61 (см. отрывки на стр. 401 и 488 настоящего тома).

Ю. Г. Глинка. 7 июня 6. г. — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 64—65.

Ю. К. Глинка. 19 ноября 1843 г. и 10 января 1844 г. (на немец. яз.) — ГПБ, собрание отдельных поступлений 1946 г., № 38.

В. Л. Давыдов. 28 мая 1845 г. (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 34—35.

К. Г. Игельстром. Письмо без даты (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 249, ед. хр. 4, Б 61, лл. 32—33.

М. К. Кюхельбекер. 9 февраля, 10 марта, 27 декабря 1840 г.; 21 мая, 1 августа 1841 г.; 15 января, 10 февраля, 22 июня, ноября (без числа) 1842 г.; 1 февраля, 27 марта, 15 октября, 18 ноября 1843 г.; 25 февраля 1844 г.; 9 июня, 26 октября 1845 г.; 13 марта, 24 мая 1846 г.; 14 февраля, 21 марта, 23 апреля, 22 июня, 15 сентября (на нем. яз.) без годов <1840-е гг.> — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 265/1—21 и ф. № 123, оп. 1, № 462.

* Перечисленные 23 письма М. К. Кюхельбекера посвящены, главным образом, бытовым и семейным делам. В некоторых из них упоминаются имена сыльных декабристов (Ф. Ф. Вадковского, И. И. Пущина, С. П. Трубецкого, А. П. Юшневского, А. И. Якубовича).

М. К. Кюхельбекер. 20 апреля—8 мая и 23 июля 1842 г. — Собрание Ю. Г. Оксмана (Саратов) (см. отрывок из первого письма на стр. 467 настоящего тома).

Ю. К. Кюхельбекер. 27 апреля 1829 г. — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 267.

П. Н. Свистунов. 22 апреля (с припиской П. С. Бобрищева-Пушкина), 25 сентября, 30 сентября, 18 ноября 1845 г. (на франц. яз.) — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, лл. 75—82 (см. отрывок из первого письма на стр. 477 настоящего тома).

В. И. Штейнгель. Письмо без даты. — ГИМ, ф. № 282, ед. хр. 283, л. 83.

Д. А. Эрстов. Письмо без даты <1823—1824 гг.> — ГПБ, архив В. Ф. Одоевского, оп. 2, ед. хр. 1675.

Редакция

1819

8. Август. 13. И. Г. Вилламов. — «Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина», ч. IX. М., 1901, стр. 350—351.

9. Ноябрь. 18. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 351.

1820

10. Январь. 25. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 352.

11. Апрель. 17. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 353.

12. Август. 8. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 353—354.

13. Август. 25. И. Г. Вилламов. — Там же, стр. 354.

1822

14. Июль—август (?). А. А. Дельвиг. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 346—347. (Отрывок).

15. Сентябрь. 20. В. А. Глинка. — Там же, стр. 344. (Отрывок).

16. Октябрь — конец января 1823 г. А. С. Грибоедов. — «Русская старина», 1874, № 5, стр. 168—170; А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945, стр. 462—464.

17. Ноябрь. 18. В. А. Глинка. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 344. (Отрывок).

18. Ноябрь. 29. В. А. Глинка. — Там же, стр. 344. (Отрывок).

19. Декабрь. 6. В. А. Глинка. — Там же, стр. 345. (Отрывок).

20. Декабрь (?). А. А. Дельвиг. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 360; Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 149—150.

1823

21. Январь. 24. Е. А. Энгельгардт. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 362—364.

22. Январь—февраль (?). В. А. Жуковский. — Там же, стр. 364—365.

23. Март. 5. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 365—368.

24. Июнь. 9. В. Ф. Одоевский. — Там же, стр. 369.

25. Июнь. 12. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 369—371.

26. Сентябрь. 8. П. А. Плетнев. — Там же, стр. 371—372.

27. Сентябрь. 14. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 372—374.

28. Октябрь. 14. Ю. К. Кюхельбекер. — «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 347. (Отрывок. Перевод с французского).

29. Декабрь. 11. В. И. Туманский (с припиской А. С. Пушкина). — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 375; новую, исправленную публикацию — см. «Лит. наследство», т. 16-18, 1934, стр. 351—352; Пушкин, т. XIII, стр. 81.

30. Декабрь. 12. Е. А. Энгельгардт. — Там же, стр. 375—377.

1824

31. Январь—декабрь. А. А. Дельвиг. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 377—378; Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 152—153.

32. Февраль. 9. Р. И. Ховен. — «Русская старина», 1888, № 11, стр. 327—328.

33. 1824—1825. Е. А. Баратынский. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 377.

1825

34. Март. 23. С. Н. Бегичев. — «Русская старина», 1875, № 7, стр. 378.

35. Июнь. 25. В. Ф. Одоевский. — «Русская старина», 1888, № 12, стр. 594—595.

36. Ноябрь. 27. А. С. Грибоедов. — «Русская старина», 1889, № 2, стр. 323—325; А. С. Грибоедов. Сочинения. Л., 1945, стр. 495—497.

37. Декабрь. 1—6. А. С. Пушкин. — «Русский архив», 1870, сб. 1180—1182; Пушкин, т. XIII, стр. 247—248.

1830

38. Август. Ф. Э. Скржидлевский. — «Декабристы и их время», 1951, стр. 40—41.

1843

39. Август. 12. Н. Г. Глинка. — «Лит. наследство», т. 33-34, 1939, стр. 376. (Отрывок).

1845

40. Апрель. 29. В. А. Глинка. — Кюхельбекер, т. I, стр. LXI. (Отрывок).

41. Июнь. 28. М. К. Кюхельбекер (с припиской И. Артемова). — «Летописи», стр. 190—191.